

выделить следующие основные черты древнегерманского культурного героя:

- подверженность судьбе и ее принятие, несмотря на божественное происхождение;
- четкое осознание своих функций и задач в мире и выполнение этих задач любым путем;
- обязательное выполнение условия «платы за достижение цели».

Особенность данных характеристик и вытекающее отсюда своеобразие мировоззрения древних германцев объясняется, на наш взгляд, естественной изолированностью данного этноса от континента, что оказалось залогом яркого своеобразия германского языка, мифологии и всего строя духовного и материального бытия.

Литература

1. Категории мифических героев. Мифологический словарь / под ред. Е. М. Мелетинского. – М.: БРЭ, ЛАДА-МАКОМ, 1992 - <http://www.countries.ru/library/mif/mifkg.htm>.
2. Кельтская мифология: энциклопедия. – М.: Изд-во «Эксмо», 2004. – 640 с.
3. Germanische Goetterwelt - Web document: <http://www.askywalker.com/wickinger.html>.
4. Havamal – песнь «Речи Высокого» / «Старшая Эдда» - Web document: <http://www.norse.narod.ru/edda>.
5. Словарь философских терминов. – М.: Инфра-М., 2004.
6. Древнеисландско-английский словарь. – Web document: <http://www.northvegr.org/zoega/index002.html>.
7. Дюмезиль, Ж. Верховные боги индоевропейцев / Ж. Дюмезиль. – М.: Наука, 1986. – С. 141.

УДК 811.161.1'35

Н. Д. Голев

МЕТАЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИХ ОРФОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Метаязыковое сознание имеет много вариантов своего бытия и уровней его проявления, начиная от «верхнего» лингвотеретического уровня, кончая уровнем рядовых пишущих. Последние, разумеется, также склонны «свое суждение иметь» по разным вопросам языка, в том числе по вопросам орфографии, которая занимает так много места в их школьной и послешкольной жизни благодаря курсу русского языка, построенного на презумпциях «орфографоцентризма».

Особое место в очерченной метаязыковой сфере занимают вопросы реформирования русской орфографии. Регулярное обсуждение вопросов улучшения норм русского правописания воздействует на состояние метаязыкового сознания общества на всех его уровнях, активно влияя на представления о «рукотворности» языка, его норм и их функционирования. «Реформаторы» сделали из орфографии испытательный полигон своих идей, при этом нередко их проекты строятся на умозрительных теоретических посылах, без учета того обстоятельства, что реформируются не столько правила и нормы орфографии, сколько реальное языковое сознание рядовых пишущих и читающих на русском языке, формировавшееся уже несколько столетий. Знать закономерности его устройства и функционирования для реформаторов было бы весьма желательно; возможно, это сделало бы их реформаторскую энергию более конструктивной. Думается, однако, что это произойдет не скоро, так как пафос скорого реформирования поддерживается обыденным метаязыковым сознанием, вытекающим из практики школьного преподавания орфографии и пунктуации и теоретизирований по этому поводу.

Слишком прочно укоренились в сознании методистов, учителей, а вслед за ними и учеников такие явления, как орфографоцентризм, литературноцентризм и вера в действенность нормотворческих постулатов, по которым получается, что рядовые пишущие действуют именно так, как им предписали.

Нормативные предписания (правила), которые носители языка получили в школе по части орфографического поведения, отнюдь не являются реальными нормами такого поведения за пределами школы и даже в самой школе, особенно если речь идет не только об уроках русского языка. Реальное же орфографическое поведение и его ментальное обеспечение в процессах обыденного письма и чтения – предмет специальных исследований, пока еще весьма редких, если не уникальных.

Ранее я неоднократно высказывал мысль о том, что в течение более ста лет русской нации навязывается сценарий ментального орфографического поведения, не свойственного ядерному типу русской национальной языковой ментальности. Имеется в виду тенденция к овладению и владению орфографическими нормами исключительно через рациональные правила и отвержению интуитивного письма как второсортного. Правилами охвачен и рационализирован (причем в некачественном варианте рационализации) весь корпус «ошибкоопасных» пунктов письменной речи, что имеет тенденцию делать само письмо рассудочным процессом, а поскольку это в принципе не нужно (да, наверное, и невозможно в массовом, общенациональном, масштабе), то во внешкольной сфере наблюдается глобальное неследование предписываемому сцена-

рию. Предписываемые алгоритмы решения орфограмм действуют лишь в школе на уроках русского языка, а после нее они остаются на вооружении лишь весьма немногих пишущих. Русский национальный тип сознания как раз характеризуется верой в силу интуитивного знания и познания, несклонностью к рассудочной мотивации действий. Давно пора подвергнуть теоретико-экспериментальному исследованию осторожно высказываемые рядом исследователей соображения о тенденции письменноречевой деятельности рядовых носителей русского языка к принципу иероглифичности. И этот тезис имеет все основания рассматриваться как серьезная гипотеза. Во всяком случае ее подтверждает современная дериватология, говоря, в частности, о том, что употребление производных слов переводит их из разряда производимых в разряд воспроизводимых. (Весьма мощно – хотя, на наш взгляд, и в несколько абсолютизированной варианте – мысль о доминировании в языке тенденции к воспроизводимости над тенденцией к производимости звучит в книге Б. М. Гаспарова «Язык. Память. Образ»). Разумеется, это не единственная тенденция. Мы полагаем, в частности, что тенденция к интуитивной опоре орфографической деятельности рядовых носителей русского языка на морфологические структуры характеризует ядерный тип русской орфографической личности. Но мы обсуждаем здесь тенденцию к редукции в обыденном письме алгоритмов проверки.

Уже имеются конкретные исследования, в которых убедительно показывается и доказывается, что сценарий проверки, являющийся фундаментом рационализации орфографической деятельности и ее производящего характера, реализуется в обыденной орфографической деятельности отнюдь не так продуктивно и эффективно, как хотелось бы многочисленным его (сценария) участникам¹. К таким исследованиям, в частности, относится кандидатская диссертация Л. Г. Пушкаревой [Пушкарева, 2004], написанная под руководством проф. Б. И. Осипова. Оно, в частности, позволяет сделать вывод о том, что проверка не только не играет особой роли, но и вообще является помехой естественному орфографическому поведению². И это еще один сильный

удар по концепции эффективной орфографической деятельности как «искусства сомнения», разрешаемого рассудком. Как утверждают многочисленные сторонники этой концепции, без выявления ошибок опасных мест и их рациональной квалификации успех в орфографии недостижим. Более естественно рассматривать интуитивные методики овладения и владения русской орфографией, позволяющие избегать «мук сомнения», как полноценную стратегию орфографически грамотного письма. Справедливость этого призыва подтверждает притча о сороконожке, разучившейся ходить, после того как она задумалась о том, правильно ли она ходит³. В качестве иллюстрации сказанному приведем пример из диалога М. Шагинян со своей внучкой, допустившей ошибки в письме бабушке. «Если сомневаешься, поучает бабушка, остановись и подумай, посмотри в словарь». «А я нисколько и не сомневалась», – ответила внучка. И большой вопрос – нужно ли таких смысленных девочек, которых большинство среди детей, переучивать, стремясь к эфемерному идеалу абсолютно безошибочного письма, достижение которого невозможно и, как представляется, не нужно.

При этом значимость традиционного письма, ориентирующегося на фиксацию в памяти ранее написанного, с возрастом усиливается. И это понятно. Если этап овладения орфографическими нормами предполагает креативность письменной деятельности (ребенком же всякое написание производится как новое!), то из этого вытекает необходимость поиска отправных точек письма в чувственной сфере. Известно, что дети склонны искать таковую опору в звучании. Владение же письменным языком в значительно большей мере опирается на уже прочитанное человеком, соответственно – на априорное знание им того, «как надо писать». В глубине языкового сознания (на его чувственном уровне) за этим алгоритмом орфографического поведения стоит уже не звуковой, а зрительный образ целостного написания (прежде всего, – написания слова или типовых фрагментов слова, причем вовсе не обязательно морфем). К тому же взрослый человек, обобщая свой опыт пишущего и особенно читающего человека, знает (практическим знанием), что между зрительным образом читаемого и его

¹ Диапазон участников весьма широк: от самих сценаристов (теоретиков орфографии и методики ее преподавания) до зрителей, то есть читателей, орфографический вкус которых накрепко воспитан нашей школой. (Отнесем к последним читателей «орфографически значимых речевых произведений», таковых участников теории вообще не склонны считать участниками орфографического сценария и по этой причине обыкновенно не учитывают их позицию.).

² Главный вывод, который сделан в диссертации Л. Г. Пушкаревой, заключается в том, что степень осознанности признака «проверочность/ беспроверочность» орфограммы у рядовых пишущих невысокая: чаще всего однозначно проверяемые орфограммы воспринимаются как непроверяемые. Важен

и эксперимент, проведенный в данном исследовании, который является ступенью к более глубокому изучению орфографической деятельности рядового носителя русского языка; в нем ставится цель изучения мотивов пишущего, влияющих на выбор буквы для обозначения орфограммы. Эксперимент позволил установить, что основным мотивом рядовых пишущих при выборе той или иной буквы из ряда возможных для обозначения слабой позиции в корне слова является знание графического облика слова, т. е. опора на зрительную или моторную память.

³ Неоднократно отмечалось, что при переходе от начальных классов к старшим, когда вводится обучение по правилам, грамотность многих учеников существенно снижается!

смыслом нет обязательного озвучивания – написанное напрямую соединяется со смыслом, и непосредственность их связи лишь усиливается при скорописи и скорочтении. Иными словами, между способом овладения орфографическими нормами, предлагаемым традиционной орфографической теорией, и способами владения существует противоречие, и, возможно, именно в нем причина неудачи столетнего эксперимента обучения русской нации «по правилам»: нет ни малейших оснований утверждать, что за сто лет русская нация стала грамотней в орфографическом отношении, несмотря на горы теоретической и методической литературы, посвященной способам овладения правилами, несмотря на огромное количество времени, которое тратят на орфографию в школе, не соразмерное той малой (хотя и по-своему важной) роли орфографического компонента, которую он занимает в речемыслительной деятельности и речевой культуре как школьника, так и взрослого человека. Понятно, что вывод о доминирующей практической ориентации русского человека, владеющего письменным языком, на традиционный принцип написаний предполагает, что и овладение письменной речью должно строиться в значительно большей мере исходя из этой ориентации. Другая не менее важная ориентация связывается с формированием механизмов интуитивной грамотности, вытекающей из чувства морфемы и фонемы (см. об этом – Голев, 2004).

Письменная речь обычно не предполагает (и не может предполагать) цели достичь как можно большей полноты и точности при передаче смысловой и материальной стороны информации, которая в своей первооснове всегда богаче, чем информация, складывающаяся из суммирования смыслов отдельных элементов. Разумеется, это универсальный тезис, относящийся к естественной коммуникации вообще. Любая условная система стоит перед необходимостью ограничения передаваемой информации, минимизацией средств (знаков) для этого. Для письменной речи в этом аспекте возникает дополнительный аспект, обусловленный ее «восхождением» (генетическим?) к звучащей речи⁴, в связи с чем встает вопрос о степени отражения ее на письме. В свете всего вышесказанного трудно однозначно согласиться с давним положением Л. В. Щербы, который в свое время полагал, что для правописания идеалом является, возможно, больший параллелизм между языком написанным и языком произносимым, и несомненно, что всякое правописание, даже самое консервативное, постоянно развивается в этом направлении» [Хрестоматия, 1995, с. 45]. Отражательным тенденциям в орфографии всегда противостоит традиционный принцип, который не есть некое отступление от отражательного, кое нужно преодо-

леть, достигая идеала, сформулированного Л. В. Щербой.

Как представляется, сфера обыденной коммуникации развивается под сильным воздействием того представления о языке, которое предполагает не столько языковое выражение (упаковку) мысли с ее последующей отправкой адресату, распаковывающего ее и т. п., сколько представление о речевой деятельности, активизирующей сознание адресата, ср.: «Говорить – значит не передавать свою мысль другому, а только возбуждать в другом его собственные мысли» [Потебня, 1976, с. 54]. Именно в функциональном аспекте вполне справедливыми кажутся тезисы, исключающие стремление к полноте и точности передачи звуковой стороны речи: «сигнал», способный возбудить в сознании адресата его собственные мысли, вовсе не «обязан» стремиться к точности отражения звучащей речи, он вполне может быть достаточно условным по отношению к ней. Рассмотрим в этой связи два положения, высказанных еще в начале XX-го века.

Первый тезис: «...Раз уже существуют вполне прочные ассоциации между зрительными и двигательными воспоминаниями слова в письме – с одной стороны, и значением его – с другой, то совершенно безразлично, передает ли начертание на самом деле точно или неточно звуковую сторону слова» [Томсон, 1903, с. 11]. Эти положения кажутся принципиальными, если мы ставим проблему достижения эффективности письменной деятельности минимально необходимыми и достаточными для нее средствами, поскольку вскрывают, в частности, внутреннюю сущность такого его признака, как достаточность.

Другой тезис: «Достоинства письма определяются лишь его практической целесообразностью, насколько с наименьшей тратой сил и времени достигается означенная цель и, кроме того, усваивается письмо. И идеография, и неточное в звуковом отношении письмо может при известных условиях быть наиболее уместным» [Томсон, 1903, с. 12]. Этот тезис важен потому, что в концепции естественной орфографической деятельности понятие помехи неотделимо от понятия идентификации графических единиц при восприятии и порождении текста. Насколько она иероглифична? Вопрос об иероглифичности русского письма не раз ставился в связи с концепцией морфологического принципа русской орфографии как основного – при таком ее понимании устойчивый графический образ морфемы, узнаваемый как смыслографическая целостность, обладает определенными признаками иероглифа. С новой силой этот тезис актуализируется при рассмотрении языка с позиций лингвистики языкового существования, делающей акцент на фиксации в языковой памяти целостных операциональных блоков, более удобных для общения, чем конструирование таких блоков [Гаспаров, 1997]. Это позволяет выдвинуть научное предположение о том, что пофонемное письмо (и чтение?), предполагающее такое конструирование (и отражающее идеал глубокого отражения письменной речи), в усло-

⁴ Было бы важно для теории письма поставить (хотя бы гипотетически) вопрос о возможности прямого «восхождения» письменной речи к внутренней речи (см. некоторые моменты такой постановки в нашей книге [Голев, 1997]).

виях спонтанной письменной речи вытесняется послоговым, поморфемным, пословным, пофразовым письмом (и чтением?). Глубина элиминации звучащей речи в спонтанной письменной-речевой деятельности в разных коммуникативных ситуациях и в разных типах письменной-речевой деятельности (особенно при скорописи и скоропечении и особенно в деятельности читающего «про себя») – важная конкретно-исследовательская проблема коммуникативной орфографии.

Вернемся в этой связи к тезису о достаточности минимума усилий для осуществления обыденной письменной коммуникации, который неотделим от тезиса о наличии естественных, выработанных самим языком защиты от звуковых помех. В частности, такой внутрисловной защитой является избыточность дифференциальных признаков, различающих звуковые оболочки узуально закрепленных (словарных) единиц языка. Ср.: «Каждый фонолог знает, как трудно бывает найти примеры минимальных пар всех требуемых фонематических корреляций: для это приходится долго перебирать словарный материал, отыскивая редкостные, иногда совершенно экзотические словесные единицы» [Гаспаров, 1996, с. 76]. Внешнесловной защитой выступает контекст, позволяющий идентифицировать слово даже в слабоявляющемся (неконтрастном) звучании.

Все сказанное, несомненно, влияет на структуру метаязыкового сознания очень многих рядовых носителей русского языка, которые в ситуациях обыденной письменной-речевой деятельности реально ведут себя в соответствии с принципами коммуникативной орфографии, тяготеющей к традиционному принципу орфографии и соответственно к иероглифизации письма, а в своих рефлексиях и высказываниях об орфографии гораздо чаще актуализируют отражательные принципы (см. об этом подробнее в нашей работе [Голев, 1999], что во многом определяется тем, как их учили в школе, уповая ис-

ключительно на эффективность правил: «написал правильно, но не смог объяснить, значит недостаточно грамотен» – этот постулат обучения грамотному письму основательно внедрен в сознание всех участников школьной орфографической дидактики: и ее субъектов, и ее объектов.

Литература

1. Гаспаров, Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М., 1997.
2. Голев, Н. Д. О природе орфографической интуиции (к постановке проблемы) // Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения: материалы международной конференции (14–16 марта 2002, г. С.-Петербург). – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004.
3. Голев, Н. Д. Антиномии русской орфографии / Н. Д. Голев. – М., 2005.
4. Голев, Н. Д. Когнитивный аспект русской орфографии: орфографоцентризм как принцип обыденного метаязыкового сознания / Н. Д. Голев // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. Т. И. Стекловой. – Новосибирск, 1999.
5. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – М., 1976.
6. Пушкарева, Л. Г. Вопросы теории русской орфографии в свете экспериментальных данных о практической ориентации пишущего»: дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2004.
7. Томсон, А. И. К теории правописания и методологии преподавания его в связи с проектированным упрощением русского правописания / А. И. Томсон. – Одесса, 1903.
8. Хрестоматия по методике русского языка: Преподавание орфографии и пунктуации в общеобразовательных учебных заведениях. – М., 1995.